

ББК 86.35

А.А. Насонов

Особенности распространения северного буддизма в Южной Сибири и его влияние на природопользование коренного населения

Ключевые слова: северный буддизм, бурханизм, синкретизация, Бурятия, Алтай-Саянский регион.

Key words: Northern Buddhism, Burkhanism, syncretisation, Buryatia, Altai-Sayan region.

В период Нового времени (конец XVII – начало XX в.) восточную территорию Российского государства, которое в этот период проводило политику закрепления и усиления своего влияния в Северно-Восточной Азии, затронул интенсивный процесс проникновения и распространения северного буддизма (ламаизма). Эта мировая религия, имея значительный опыт освоения и приспособления к различным этнополитическим и этносоциальным средам, а также этнокультурным пространствам, стала востребованной коренными народами Азиатской России. Северный буддизм «переступил» российско-китайскую границу (большая часть монгольских ханств к этому времени уже являлась частью Цинской империи) достаточно легко ввиду этнического и духовного родства сибирских и монгольских этносов.

Процесс распространения буддизма на территории Сибири имел огромное значение для трансформации всех сторон жизни коренного населения. В нем можно выделить два крупных этапа: 1) конец XVII – XVIII в. – освоение юга Восточной Сибири (главным образом территории Бурятии); 2) конец XIX – начало XX в. – внедрение буддийских традиций в духовно-религиозный мир коренных народов Алтай-Саян (алтай-кижи, хакасов, отчасти телеутов). Эти две волны прихода северного буддизма имели свою специфику и вместе с тем в разной степени повлияли на отношение традиционного человека к окружающей его природной среде.

Цель данной статьи – на основе сравнительной характеристики особенностей двух этапов распространения северного буддизма (ламаизма) на территории Южной Сибири осветить влияние этой мировой религии на традиционные знания о природопользовании коренных народов Алтай-Саян.

В отечественной историко-этнографической традиции многие вопросы, связанные с взаимопроникновением традиционной духовной культуры и буддизма, рассматриваются с позиции религиозного синкретизма. Под этим понятием в современном религиоведении подразумевают «состояние религиозного явления, характеризующееся невыделенностью качественно различных элементов или их смешени-

ем во внутренне противоречивую систему». В то же время в отношении более развитых духовных систем применяется термин «синкретизация», означающий «соединение религиозно чуждых элементов в одну целостность» [1, с. 467–468]. К этим весьма общим научным определениям, применительно к процессу распространения северного буддизма в Сибири, хотелось бы добавить несколько слов. К семантическому полю понятия «синкретизация» также следует отнести такие существенные характеристики, как активное взаимодействие элементов разных духовных систем, рассматриваемое во времени и протекающее при определенных исторических условиях, а также сочетание и слияние догматических, космогонических, мировоззренческих и иных основ вероучений. Как представляется, особенности взаимодействия северного буддизма с традиционными верованиями народов азиатской части России детально могут быть рассмотрены посредством сравнения типов процесса синкретизации (ТПС), характерных для двух указанных этапов его распространения в Сибири.

Два периода проникновения буддизма на территорию Сибири имели свою специфику, которая была определена рядом исторических условий (временем и местом происходящих событий; этнической средой; отношением власти к разворачивающимся миссионерским процессам, ее политика в позиции политически и экономически влиятельных слоев этноса по их отношению к новой для них духовной системе). Учитывая это, предлагаем первый этап (конец XVII – XVIII в.) отнести к «классическому» ТПС, поскольку он имел множество сходных черт с распространением буддизма в Тибете и Монголии, являясь логическим его продолжением. Второй же этап (конец XIX – начало XX в.) определить как «альтернативный» ТПС ввиду ряда значимых отличий.

Сравнительная характеристика «классического» и «альтернативного» ТПС представлена в таблице.

Из-за целого ряда особенностей второго этапа распространения северного буддизма на территории Южной Сибири новое вероучение коренного населения Алтай-Саян имело ярко выраженную экофильную окраску. Пожалуй, самым главным постулатом бурханизма в данном контексте был категорический отказ от шаманских ритуалов, важной составляющей которых являлись жертвоприношения духам для ограждения

Особенности этапов распространения буддизма на территории Южной Сибири

Позиции сравнения	«Классический» ТПС	«Альтернативный» ТПС
I. Исторические условия		
Территориальные и хронологические рамки	Тибет (VII–XIV вв.), монгольские ханства (XIII в.; конец XVI–XVIII вв.), Юг Восточной Сибири (Бурятия – конец XVII–XVIII вв.).	Юг Западной Сибири (Алтай, территория нынешней Хакасии – конец XIX – первая четверть XX в.).
Этническая среда	Народности Тибета, монгольские народности (халха, ойраты и др.), буряты.	Алтай-кижи, хакасы, телеуты (частично).
Отношение российских имперских властей	Тибет, монгольские ханства – союз светских властей и ламаистского духовенства [2], сращивание светских и духовных институтов [3, с. 135–149]; Юг Восточной Сибири – официальное признание северного буддизма на данной территории, законодательная регламентация его деятельности [4, с. 138–143; 5, с. 180].	Политика непризнания и пресечения миссионерских инициатив со стороны ламства Северо-Западной Монголии [6, л. 295об.].
Отношение элиты этноса к распространению буддизма	Стремление усилить свое политическое и экономическое влияние в обществе посредством догматики новой религии (идея будущих перерождений, которые определяются деяниями в прошлых жизнях) [4, с. 138].	Опора для сохранения собственных привилегий, традиционно сложившихся торгово-экономических связей с Монголией [7, с. 36 – 58].
Отношение последователей буддизма к царской политике христианизации и колонизации	Отсутствие ярко выраженной антироссийской направленности [4, с. 138–143].	Умеренная антироссийская направленность, временный отказ от всего, имеющего русское происхождение [8, л. 366об., 369]
II. Особенности процесса синкретизации		
Трансформация пантеона и статуса центральных сверхъестественных существ	1. Оформление разветвленного и строго иерархичного пантеона [9, с. 219]; 2. Тенденция к присвоению Будде Шакьямуни черт Бога-творца [9, с. 218–220]; 3. Гипертрофированное развитие культа помощников на пути спасения (бодхисаттв) и культа перерожденцев [9, с. 211]; («живых богов», тулку)	Тенденция к оформлению фигуры Бурхана как верховного божества, усиление мессианских чаяний [10, с. 54–56].
Характер взаимодействия с локальными духовными традициями	Включение в буддийский пантеон дошаманских, отдельных шаманских и нешаманских верований и сверхъестественных существ как категории «духов-покровителей отдельных местностей» [9, с. 212–216].	Непосредственное включение анимистических традиций в догматику, отрицание шаманизма [11, с. 162–167].
Изменения в культовой практике	Ламаизация дошаманских и шаманских культов [12, с. 132], соотнесение в календаре праздников буддийской и добуддийской традиции и др. [9, с. 220–221].	Переход к символическим ритуалам (воскурение можжевельника, повязывание лент и др.) [13, л. 5–6]
Восприятие легендарных героев	Наделение прежних особо почитаемых исторических и легендарных личностей новыми, характерными для буддийской догматики чертами (к примеру, представления о воплощениях и перерождениях Чингисхана) [9, с. 216–218].	Легендарные личности выступают в качестве мессии (чаще всего – Ойрот-хан, реже – Шуну, Амырсана) [6, л. 295об.–296].
Результат процесса синкретизации	Формирование локальной версии северного буддизма.	Формирование нового синкретического вероучения на основе северного буддизма (бурханизма).
Конкуренция со стороны прочих мировых религий	Тибет – фактически отсутствует; монгольские ханства – эпизодическая (христианство, ислам); Юг Восточной Сибири – регулярное давление православия при сильных позициях ламаизма [4, с. 138–143].	Сильные позиции православия в начале распространения буддизма; соперничество со стороны Алтайской духовной миссии; наличие исламского фактора [14, л. 278–279].

человека от неблагоприятных воздействий сверхъестественных сил. Интересно, что изменилась сама мировоззренческая установка: если ранее все напасти человека объяснялись недостаточностью сакральных действий для «задабривания» злых духов, то теперь, с точки зрения бурханизма, причиной людских бед называлось отступление алтайцев от истинной веры (невыполнение заветов Ойрот-хана, ушедшего, по их представлениям, 200 лет назад, но обещавшего вернуться). Таким образом, последователи бурханизма стремились показать, что их вероучение является не духовной новацией, а забытой возрождающейся традицией.

Часть коренного населения Алтае-Саян в начале XX в. (в первую очередь алтай-кижи) стала отказываться от шаманских жертвоприношений (например, более не проводила привычного майского вывешивания на шесте шкуры лошади с головой и копытами [б. л. 299об.]), а сами камы (шаманы) были провозглашены прислужниками «темных сил», «злого начала (шайтан)». В рамках миропонимания новой веры данный

духовный опыт общения со сверхъестественным был уже не нужен. Его заменили символические ритуалы (сжигание вереска, брызгание молоком, приношение творога, повязывание белых и желтых лент) [15, с. 55–56]. Последние были предназначены для бога Бурхана и являлись образцом правильного ритуального поведения. В ракурсе конфессионального влияния на природопользование следует заметить, что эти изменения определили меньшую расточительность культа бурханизма.

Таким образом, ряд исторических условий определил специфические особенности распространения северного буддизма (ламаизма) на территории Южной Сибири в рамках двух крупных этапов. Вера, сформировавшаяся на рубеже XIX–XX вв. на этнокультурном пространстве Алтае-Саян, скорректировала традиционное духовное создание, сориентировав его в сторону новых образцов ритуального поведения, непосредственно повлияв на природопользование в сторону большей его экофильности.

Библиографический список

1. Забияко, А.П. Синкретизм религиозный / А.П. Забияко // Религиоведение : словарь / отв. ред. Е.С. Элбакян. – М., 2007.
2. Скрынникова, Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века / Т.Д. Скрынникова. – Новосибирск, 1988.
3. Цыбиков, Г.Ц. Избранные труды: в 2 т. / Г.Ц. Цыбиков; редкол.: А.П. Окладников, Ц.Б. Цыдендамбаев и др. – Новосибирск, 1981. – Т. 1.
4. Кудрявцев, Ф.А. История Бурят-Монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. : очерки / отв. ред. Б.С. Санжиев, П.Т. Хаптаев. – Л., 1940.
5. Из «Устава духовных дел иностранных исповеданий» об управлении духовных дел ламаитов и язычников, 1896 г. // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и документов / ред.-сост.: А.Ю. Конев. – Тюмень, 1999.
6. Рапорт старшего советника Томского губернского управления барона А. Бруннова томскому губернатору К.С. Старынкевичу от 22 июля 1904 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 688.
7. Данилин, А.Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае) / А.Г. Данилин. – Горно-Алтайск, 1993.
8. Донесение от управляющего Кош-Агачским участком и Онгудайской таможней бийскому уездному исправнику В.И. Тукмачеву от 26 мая 1904 г. // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 688.
9. Жуковская, Н.Л. Влияние монголо-бурятского шаманства и дошаманских верований на ламаизм / Н.Л. Жуковская // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии : сб. ст. / отв. ред. Г.Г. Стратанович. – М., 1968.
10. Насонов, А.А. Духовные истоки формирования бурханизма / А.А. Насонов // Научное творчество XXI века : сб. трудов ежегодной Всероссийской научной конференции учащихся, студентов и молодых ученых / редкол.: Я.А. Максимов и др. – Красноярск, 2009. – Т. 2.
11. Анохин, А.В. Бурханизм в Западном Алтае / А.В. Анохин // Сибирские огни. – 1927. – №5.
12. Михайлов, Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят / Т.М. Михайлов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. И.С. Вдовин. – Л., 1979.
13. Из письма архимандрита Иннокентия епископу Бийскому Макарию из Онгудая от 3 мая 1904 г. // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 688.
14. Рапорт томскому губернатору К.С. Старынкевичу от Бийского уездного исправника В.И. Тукмачева от 21 июня 1904 г. // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 688.
15. Верещагин, В.И. Очерки Алтая II. Бурханизм или «ан-янг» (белая вера) на Алтае / В.И. Верещагин // Сибирский рассвет. – 1919. – Февраль. – №3–4.